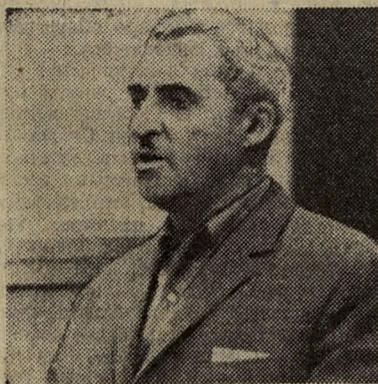

Константин СИМОНОВ

(МОСКВА)

Опубликованное в предсезонном номере «Литературной газеты» и адресованное мне письмо маршала Москаленко я рассматриваю как прямой и доброжелательный призыв поговорить на темы военной литературы. Очевидно, это нужно.

Героизм проявлялся на войне во все ее периоды. Но все же, пожалуй, наивысший подвиг народного духа связан с наиболее трагическим периодом войны. И не будь проявлен этот героизм тогда, в сорок первом и сорок втором, мы бы не вошли в Берлин в сорок пятом. Следует писать правду о любом периоде войны, в том числе и самую сложную. Вопрос только в том, чтобы наряду с причинами наших поражений всегда видеть и корни наших побед.

Помните, как об этом еще тогда, в трудном сорок втором году, Твардовский сказал со страниц фронтовой газеты «Красноармейская правда» в своем «Теркин»:

...А всего иного пуше
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сушей,
Да была б она погуше,
Как бы ни была горька...

С любой неправдой в изображении войны, да и вообще — шире говоря — нашей истории, надо воевать, не занимая нейтральных позиций. Это очень важно.

Если мы, писатели, не будем говорить полной правды о прошлом, мы никогда не завоеваем полного доверия читающей нашей молодежи.

Если проиллюстрировать мои слова всего одним примером, то, полным голосом сказав в литературе, что ответственность за тяжесть положения в сорок первом году, приведшего фашистов к стенам Москвы, лежит прежде всего на плечах Сталина, нельзя не сказать и другого — что его же выступление на Красной площади 7 ноября 1941 года сыграло важнейшую роль в том, что Москва не была сдана фашистам.

Мы, писатели, отнюдь не претендуем на то, что наши книги о мифической войне есть историческая истина в последней инстанции. Критика этих книг может иметь в тех или иных случаях свои серьезные основания. Но при одном непременном условии: такая критика сама должна строиться на базе серьезного отношения к истории. Только если будет создана атмосфера обязательности для всех строгого соблюдения исторической истины во всей ее сложности, можно будет в этой атмосфере действительно видеть те или иные писательские заблуждения и просчеты в художественном изображении эпохи.

Нельзя представлять себе дело так, что наряду с многими произведениями советского искусства, прочитанными и увиденными на экране десятками миллионов людей, уже рассказавшими им правду о войне, в том числе и те горькие стороны этой правды, о которых полным голосом сказала на своих съездах партия, ныне за нашей же подписью могут появляться на свет новые произведения о той же самой эпохе, из которых будут устранены эти горькие стороны исторической правды.

Такое искусство не будет уважать читатель и зритель, и такое искусство не должны создавать уважающие себя советские художники.

Вопрос отношения к нашей истории — это, в сущности, вопрос веры в силу идей коммунизма, в силы и способности нашего общества. Если мы прошли героический путь, а мы прошли его, то путь этот героичен именно потому, что он небывало труден. И об этом, о небывалой трудности нашего пути, должна быть рассказана вся правда, потому что только полная мера в изображении трудностей может дать представление о полной мере героизма партии и народа.

Мы, советские писатели, самые убежденные сторонники мира и борцы за мир. Но раз существует военная опасность, раз существует армия, стоящая на страже мирных завоеваний социализма, для нас, писателей, существует и проблема воспитания молодых солдат средствами литературы. Я думаю, что хорошо воспитанный молодой солдат — это солдат, который знает, что война — вещь трудная, в частности знает это на материале минувшей войны и готов к этому. А солдат, которому литература и кинематограф не говорят, что такое война на самом деле, и, в частности, не говорят о том, какой была минувшая война, — это морально плохо подготовленный солдат, потому что если ему, вопреки всем нашим усилиям в борьбе за мир, все-таки придется столкнуться с войной, ее тяжесть будет для него более неожиданной, чем для того солдата, который был воспитан на правдивой литературе о войне, в том числе о минувшей войне, которую мы так трудно начали, но которую мы закончили сокрушительным разгромом самой сильной армии в мире.

Мы ответственны за то, чтобы в обстановке, когда уже который год льется кровь во Вьетнаме, когда во многих пунктах земного шара американская военщина все решительнее переходит в наступление, — в этой обстановке мы ответственны за то, чтобы у всей без исключения молодежи нашей страны отношение к армии и к военной службе, к защите социалистического Отечества было таким, как должно. Мы, писатели, ответственны за воспитание нашей молодежи в высоком понимании своего воинского долга, но воспитывать ее в этом благородном понимании можно только на правдивой литературе, и ни на какой другой.

У нас в литературной жизни бывают свои серьезные трудности, бывают у нас и достаточно крутые споры, и мы не скрываем этого от своих друзей, в том числе и от друзей зарубежных. Но вместе с тем я хочу сказать здесь, с этой трибуны, что я, например, да, полагаю, и другие советские писатели, не собираюсь принимать дань сочувствия у некоторых мнимых дружелюбов советской литературы, делающих там, за границей, на своем мнимом сочувствии к нам своей собственный политический бизнес.

Я надеюсь, что мы сами совладаем с теми трудностями, которые у нас существуют.

В заключение несколько слов на тему, о которой говорил тут Козинас. Еще не так давно я встречался с ним в Греции, в буржуазной стране, с буржуазными демократическими свободами. А сегодня в его Греции — фашизм, и ему пришлось скрываться от фашистов в родных Афинах, а потом бежать оттуда. Я слушал его рассказ и с тревогой вспоминал Испанию, в которой 31 год назад прозвучал по радио призыв к фашистскому мятежу: «Над всей Испанией — безоблачное небо».

Тридцать пятый год. Июнь. Париж. Старый Андерсен — Нейсе с трибуны Первого конгресса писателей в защиту культуры предупреждает о том, что «в мире все более и более ясно чувствуется фашистская угроза».

Тридцать седьмой год. Июль. Мадрид. С трибуны Второго конгресса писателей в защиту культуры присутствующая здесь сегодня Анна Зегерс говорит, что «фашизм отнял у писателей Германии родину, и они нашли родину в окопах Мадрида».

Да, с тех пор прошло много лет. Да, Гитлер, посылавший свои бомбардировщики в Мадрид, превратился в обугленный труп во дворе своей имперской канцелярии, а немецкие писатели-антифашисты вернулись в Берлин.

Да, это так. Но в Мюнхене и Штутгарте поднимает голову неофашистская партия, а в Греции под оперой американских военных происходит первый после разгрома фашизма фашистский переворот в Европе.

Мы знаем, что этим фашистским переворотом глубоко взволнованы писатели Италии, Франции и многих других стран Европы, что они ищут об этом, что они гневно протестуют.

Так не пора ли всем нам, писателям, создать где-то в Европе новый Международный конгресс против возрождения фашизма; под каким бы именем он вновь ни пытался возникнуть? (Аплодисменты).

Литературная газета, Москва, 1967, 31 мая, № 122